

МЕТОД
ЖЕНЩИНЫ
ДЕТЕКТИВНИ
КАЛИНИ
РОМАНОВОЙ

Читайте захватывающие детективные мелодрамы Галины Романовой:

Расплата за наивность	Любовь окрыляет
Встретимся в другой жизни	Единственная моя
Я – его алиби	С первого взгляда
Девушка с секретом	Второй подарок судьбы
Блудница поневоле	Зеленые глаза викинга
Неплохо для покойника	Тайна, приносящая смерть
Стервами не рождаются!	Цвет мести – алый
Дожить до утра	Не доставайся никому!
Крестный папа	Чужая жена – потемки!
Ничто не вечно под луной	Возвращаться – плохая примета
Миллион причин умереть	Врачебная тайна
Рыжая-бесстыжая	Призрак другой женщины
Охотники до чужих денег	Тайну хранит звезда
Мужей много не бывает	Семь лепестков зла
Ты у него одна	Свидание на небесах
Любитель сладких девочек	Ведьма отмщения
Игры в личную жизнь	Программа защиты любовниц
Черт из тихого омета	Кинжал в постели
Обмани меня красиво	Гнев влюбленной женщины
Старая тайна, новый негодяй	Лучший день в году
Миллионерша поневоле	Нирвана для чудовища
Внимание: неверный муж!	Незнакомка с тысячью лиц
В любви брода нет	Последнее прибежище негодяя
Последняя ночь с принцем	Счастье с третьей попытки
Осколки ледяной души	Подвенечный саван
Счастье по собственному желанию	Заклятие счастья
Любвеобильный джекет	Торговка счастьем
Длинная тень греха	Амур с оптической винтовкой
Личное дело соблазнительницы	Мсть Спящей красавицы
Большие проблемы	Демон ревности
маленькой блондинки	Преступно счастливая
Красотка печального образа	Изменница поневоле
Ночь с роскошной изменницей	Закон сильной женщины
Окно в Париж для двоих	Без вины преступница
Лицензия на harry end	Пленная птица счастья
Черная корона	Ничего личного, кроме боли
Рыцарь чужой мечты	Заговор обреченных
Демон искушения	Узнай меня
Грешница в шампанском	Заповедник потерянных душ
Принцип Отелло	Ангел мщения
Исполнительница темных желаний	Первый шаг к пропасти
Жизнь нежна	Вкус запретного плода
Мода на чужих мужей	Исповедь обманутой жены
Пока смерть не разлучит нас	Свидетельницы зла
Завтра не наступит никогда	Королева отшельников
Пять минут между	Игры небожителей
жизнью и смертью	Грех с ароматом полыни

ГАЛИНА РОМАНОВА
ЧУЖАЯ ЖЕНА — ПОТЕМКИ

Москва
2020

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Р69

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Оформление серии *К. Гусарева*

Редактор серии *А. Антонова*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Чужая жена — потемки : роман / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины).

ISBN 978-5-04-110810-6

У всех есть ошибки молодости, грехи, о которых хочется навсегда забыть и никогда не вспоминать. Но что делать, если ты по глупости и наивности засадила за решетку невинного человека? Как с этим жить дальше? Вот и Дина Игнатова пыталась ответить на эти вопросы. Много лет назад в подворотне родного дома убили ее бывшего поклонника. Дина видела только спины нападавших хулиганов и слышала парочку фраз, но указала следователю на своего одноклассника Даниила Кузьмина. Теперь же ее гложут сомнения: а был ли реальным убийцей Даниил или он попал в тюрьму по ее вине? Все это мешает ее благополучной и размеренной жизни. Дина с опаской и сомнениями ждет своего личного врага, у которого скоро закончится срок заключения. Он явно захочет проведать бывшую одноклассницу и превратить жизнь Дины в самый настоящий кошмар.

УДК 82-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Романова Г.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110810-6

ШАБА 1

Удобный шезлонг, в котором он теперь нежилась под полуденным майским солнцем, стоял в центре аккуратно выстриженной лужайки. Лужайка имела форму эллипса и была обнесена живой изгородью, удачно скрывающей ее от остальной части усадьбы. Усадьба вмещала в себя двухэтажный дом с подземным гаражом, асфальтированную площадку с баскетбольным кольцом, качели под навесом, цветочные клумбы, крохотный пруд со скупой фонтанирующей в его центре струей воды, стоянку для машин, беседку, очаг, в котором часто, да и теперь тоже, готовилось мясо.

Было очень тесно среди всего этого. Ему было очень тесно там, за пределами очерченного кустарником эллипса. Тут он чувствовал себя уютнее, ему было просторнее и спокойнее. Может, потому, что жена не любила продирааться сквозь колючие заросли и у него появлялась шикарная возможность побыть одному? А может, потому, что и тесть с тещей не любили эту крохотную лужайку? Не любили, не понимали

его привязанности к этому скромному зеленому пяточку и без конца истошно вопили с участка:

— Владик! Владик, иди к нам! У нас тут такое...

Что там такое, он безошибочно угадывал даже на расстоянии. Научился угадывать за четыре года общения с ними. Либо кусок мяса выпал из решетки и обугливался теперь, сделавшись бесполезным. Либо супруга тещя, то есть, по-хорошему, его теща, запорошила глазик пеплом, и срочно требовалось впрыснуть туда лекарство, а руки чистые были только у него.

Чистые руки...

Господи, как он гордился своей незапятнанностью ничем еще каких-то пять-шесть лет назад. Он уважал себя, и это много стоило! Мало этого, он уважал свои поступки, надиктованные ему воспитанием, мировоззрением, его принципиальностью. У него всегда были чистые мысли, чистые руки. И не потому, что он любил восклицать: «Все, господа, я умываю руки!» Нет! Этот возглас он всегда считал проявлением трусости. Позиция таких людей, как правило, бывала размытой, неопределенной и никогда ему не нравилась. Куда было проще и надежнее рук тех не запачкать. Он с этим родился, жил так долгие годы и надеялся с этим умереть в глубокой старости.

Не вышло! Ни черта у него не вышло! А виной всему стали его новые родственнички, провалились бы они.

— Владик!

За его спиной послышался треск раздираемого сильными руками Алены кустарника. Не захотела обходить! С другой стороны, как раз напротив того места, где он теперь сидел, имел-

ся аккуратно выстриженный ножницами садовника проход. Куда же было проще обогнуть лужайку, прошлепав резиновыми тапками по брусчатой дорожке, протиснуться через этот проход, сделавшийся за последний год тесным для нее. И тем не менее там-то удобнее. Зачем ломиться через колючки? Сейчас нахватает их на одежду, поцарапает руки, икры, станет ныть, упрекать его.

Влад плотно сомкнул веки, притворившись спящим. Может, пощадят его на этот раз? Может, не станут теревить, что-то от него требовать, каких-то веселых рассказов, анекдотов, не станут заставлять его подтягиваться на турнике, отжиматься прямо от пыльного асфальта? Может, проявят чудеса проницательности и поймут, что ему просто хочется побыть сейчас одному? Посидеть, смежив веки, в тишине, пускай и относительной. Помолчать, погреться на солнышке. Да и помечтать, в конце концов! Он же живой человек, не робот.

— Влад! — Крупная ладонь Алены с силой трепанула его за плечо. — Хватит притворяться, я знаю, что ты не спишь! Идем к нам, ты нам нужен.

Но они-то ему не нужны, вот в чем загвоздка. Совсем не нужны! Ни с домами своими двухэтажными, ни с качелями под навесом, ни с очагом, на котором за воскресный день они могли изжарить целого барана. И что самое страшное — запросто могли его сожрать!

Они ему не нужны. Он им — может быть. Они ему — нет.

— Что случилось? — спросил Влад, не открывая глаз.

— Мама занозила палец! — сообщила Алена

с таким придыханием, будто теще только что оторвало руку по самое плечо. — Ты должен вытащить занозу! У тебя же единственного здесь чистые руки, Влад!

Если что, занозой — огромной, постоянно беспокоящей и свербящей, размерами во всю его накачанную задницу, — была сама Алена — иногда, и ее родители — ежедневно. Но избавления от них, даже с его, пускай и не совсем теперь чистыми, руками не было. Избавления от них никакого не было.

— Вызови «неотложку», — порекомендовал он ей, все так же сидя с закрытыми глазами.

И, чтобы Алена окончательно от него отвязалась, сдвинул с пяток мокасины, поставил на них босые ступни и выразительно шевельнул пальцами ног.

— Ты что, Владик, издеваешься, да? — В голосе Алены зазвенела жгучая обида. — Ты хочешь, чтобы надо мной потешалось все местное отделение «Скорой помощи»?

— Почему, дорогая? — вкрадчиво поинтересовался он и незаметно приоткрыл левый глаз.

Ему было интересно понаблюдать за женой, растерявшейся из-за его вопроса. Он не сразу, не в первый и не во второй год их совместной жизни, угадал в ней эту неспособность живенько соображать. Будучи увлечен ее миловидной молодостью, Влад поначалу снисходительно рассматривал ее растерянность, рассеянность, непонимание. Считал тогда, что Алена просто устала или не знает, как ответить ему, чтобы не обидеть. С годами это заблуждение растаяло, как утренний туман под напором солнечных лучей. Не было никакой рассеянности и, вкуче с нею, растерянности от нежелания нанести ему

жгучую обиду — была элементарная тупость, с которой Алена родилась.

В школе ее благополучно прикрывали спины влиятельных на тот момент родителей, в институте — тоже. Потом она вышла замуж за Владу, и необходимость прикрывать ее отпала. Она просто сидела дома, не работала, не рожала детей, не вела домашнее хозяйство. Она просто жила — тупо, неинтересно, как жил ее любимый неказистый цветок в керамическом горшке на подоконнике в кухне.

Цветок тот назывался как-то замысловато и красиво, но Владу он совсем не нравился. Он постоянно цеплялся тонкими колючими ветками за рукава его пиджака, за шторы. Без конца опрокидывался, из горшка просыпалась сухая земля — Алена вечно медлила с поливом. Одним словом, существование этого растения создавало для Влады массу неудобств, когда он с ним соприкасался.

Совсем как в последнее время в его жизни с Аленой...

— Почему, дорогая, ты считаешь, что станешь предметом насмешек в пункте «Скорой помощи»? — повторил Влад, не переставая следить за ней едва приоткрытым глазом.

— Слушай, Владь, прекрати вымахиваться, — надула Алена растрескавшиеся обветренные губы. — Сказать нормально можешь, нет? Предметом... Насмешек... Вынь занозу у мамы из пальца, и все! У тебя же чистые руки, а мы запачкались.

О, тут он поспорить не смог бы. Дорогие его родственники, теща и теща — Константин Сергеевич и Алла Николаевна Иванцовы, — были людьми чрезвычайно деловитыми и пре-

дусмотрительными во всех вопросах, касавшихся обеспечения их жизненных удобств. Они совали свои породистые носы в такие немислимо узкие щели, проникали в такие пласты мерзких пород, так суетливо и сноровисто пыхтели, потели, интриговали, что рядом с ними, просто бездействуя и наблюдая, запачкался бы даже ангел.

Ленка же при всем при этом благодатном воспитании оставалась просто дурой. Она ни во что никогда не вникала, ей было просто лень, а то и просто не понимала, что там и как обстоит на самом деле. Родителей своих она очень любила, слушала их с распахнутым ртом, кивала, соглашалась, пыталась учить Влада, как именно надо и им жить, чтобы у них все было так же, как у ее папы с мамой. Но, правда, без особой настойчивости, он бы такого не потерпел.

И он вот не хотел, как у ее папы с мамой! Он хотел жить так, как хочет он. Как считает правильным только он, ну и еще — немножко Ленка, конечно. Он не хотел собирать грязное досье на своих потенциальных врагов. Их и не было у него в принципе до недавнего времени.

Он не хотел сплетничать и интриговать, готовя благодатную почву для лоббирования своих интересов. Не хотел задаривать подарками родственников тех персон, которые когда-нибудь могли бы оказаться ему полезными.

— Чистеньким хочешь на всю жизнь остаться?! — зашипел как-то на него тесть, уличив Влада в невыполнении порученного ему дела. — Понятно! Кому же охота в дерьме копать-ся! Куда проще сливки снимать! Я ведь все это..

Тесть широко раскинул руки, будто пытался заключить в объятия весь свой приусадебный

участок с домом, прудом, очагом, качелями и идиотской баскетбольной площадкой, на которой никто из них ни разу не забросил мяча в кольцо. Открыл рот, силясь что-то произнести, но споткнулся на полуслове, побагровел и замолчал на долгих три с половиной месяца.

Влад тоже общение с родней не инициировал. В гости к Ленкиным родителям не напрашивался. Его не звали, он не шел. А после трех с половиной месяцев бойкотирования, устав ждать извинений, Константин Сергеевич взял и подложил зятю свинью. Грязную, мерзко воняющую. То есть он просто-напросто сдал его одному из Владовых соратников.

Так, мол, и так, помнишь, тебя однажды не послали в командировку в Германию, а вместо тебя Влад поехал? Тот, конечно же, не забыл, поскольку собирался прокатиться за счет фирмы с любовницей и наобещал ей уже золотые горы. А тут вдруг — такой конфуз и все такое.

Помнишь?

Так вот, мол, это все потому, что Владик в приватном разговоре с генеральным мягко намекнул, что командировка нужна тебе лишь для плотских утех, а не для решения важнейших вопросов. И что послать нужно кого-то надежнее и посерьезнее. И послали кого? Правильно! Самого надежного и серьезного — Влада Ковригина. А ты со своей любовницей дома диван мял перед телевизором.

Тот малый долго потом на Влада дулся и руки ему не подавал. Хорошо еще, ума у него хватило по коридорам эту новость не разносить. А то Владуку впору бы и уволиться было.

Ну, было — было такое, что уж теперь? Просто вывод для себя Ковригин сделал из всего

этого весьма неутешительный: с тестем ему воевать нельзя — ни открыто, ни втихую. Сохнет, сожрет и костей не выплюнет. И плевать ему на то, что во всем, что заработано и достигнуто Владом, не было и тени заслуг самого Константина Сергеевича. Плевать! Он просто из гадкой природы своей мог ему напакостить, и все. Просто он этим всю свою жизнь благополучно занимался, и все всегда сходило ему с рук и способствовало накоплению его благосостояния. Почему он должен менять свои привычки?

Как же он устал от этого благополучного и уважаемого на вид семейства! Как устал от их достатка, которым они так идиотски кичились. Как устал от плаксивой тещи, от подлого тестя, да и от глупой Ленки тоже временами он устал сильно.

Хотя нет, без тестя с тещей он Ленку еще бы и потерпел. Она хоть и дура, но весьма удобная дура. Не задает лишних вопросов, не лезет с советами, если не считать ее желания жить, как ее мама с папой. И выглядит совсем неплохо — блондинка с нежной кожей и огромными голубыми глазами. Располнела за последний год чрезвычайно, так это поправимо. Он может ее запросто на тренажеры загнать, лишь бы мама с папой не лезли.

Господи, он их почти уже ненавидел!

— Владик, ну пойдём, а? — чуть тише попросила Лена и опустилась перед его шезлонгом на корточки, что далось ей с некоторым трудом. — Я понимаю, они тебя достали. Меня тоже, если честно, но что делать? Мы же... Мы же все еще зависим от них. Идем, а?

Влад опешил. Опешил до такой степени, что

вспотел. К лопаткам тут же прилипла клетчатая тонкая рубашка. И даже под резинками носков сделалось сыро. А солнце как раз за облака спряталось, и ветерком потянуло от прудика с чахлой струей посередине.

Он чего-то испугался или что?

Быстро, очень быстро, пока еще есть время держать глаза закрытыми, он должен проанализировать ее слова.

Неужели так заметна стала его неприязнь к ее родителям? С чего это она вдруг поняла, что они его достали? Потом, с чего они ее-то достали? Что он пропустил? Чего она недоговаривает? Тайны от него? У Ленки-то?!

Час от часу не легче! Вот про зависимость-то он согласен — попытался раз из-под тестя вылезти, получил бяку. Но это ведь ему понятно, а ей-то откуда?! Она что же, научилась мыслить или всегда умела, а притворялась дурочкой?

Интересное кино...

— Владик, — его щеки коснулась мягкая ладонь жены, пахнувшая жасмином, Ленка очень любила этот запах и каждое утро обливала себя из флакона с головы до пяток. — Идем, пожалуйста.

— Лен, — он поймал ее ладонь своей, подтянул к губам, поцеловал, потом замотал головой: — Режь меня, не пойду. Думаешь, мне приятно в ее рыхлой плоти ковыряться?! Я же не хирург, в самом деле.

— Они воспримут это как бунт, Владик, — прошептала его жена заговорщически и, кажется, хихикнула. — Ты готов?

— Почти.

Он чуть приоткрыл глаза и внимательно уставился на жену.

Она не сделалась другой внешне, конечно. Не стала тоньше, краше, глаже. Все оказалось точно таким же в ней, как этим утром, как вчерашним вечером, — чуть поблекшие обветренные губы, слегка пополневшие щеки, крохотные стрелочки морщинок от глаз. Но вот сами глаза...

Они смотрели на него по-другому! Совсем не так, как вчера вечером и сегодня утром. Не было в Ленкиных голубых глазищах привычной покорной нежности, от которой он порой уставал. Не нашлось там и обычной пустоты, бесившей его постоянно. Глаза ее полыхали азартом, вот! Столько огня он не помнил в них даже тогда, когда был отчаянно в нее влюблен.

Что стряслось? Что он пропустил?

— Ладно, милый, — она пощекотала его подбородок своим ртом и поднялась, успев прошептать перед тем, как снова скрыться за живой изгородью: — Скажу им, что ты спишь.

Теще вызвали-таки «Скорую». Медсестра — пожилая женщина в стареньком, но очень чистеньком халатике и высоком чепчике — все время, пока искала занозу и обрабатывала крохотную ранку, неодобрительно косилась на тещу, совравшего ей про сердечный приступ. Прилепила кусочек пластыря, свернула инструмент, защелкнула чемоданчик, подхватила его и шагнула к порогу.

— Стыдно, уважаемый! — вдруг не выдержала она и попеняла тещу.

— Минуточку! — мгновенно вскинулся тот и начал вылезать из глубокого кресла возле дивана, на котором распласталась в «страшных» муках его жена. — Вызов был ложным? И вам не пришлось оказывать помощь?

— Помощь-то помощи рознь, — поджала губы пожилая женщина и взялась за дверную ручку. — А вызов — да, сообщу, что был ложным.

— Только попробуй, гадина! — засвистел теть, брызжа слюной. — Только попробуй, с работы соскочишь, не успев до больнички своей доехать!

— Господи, стыд-то какой, а еще пожилой человек, — покачала головой медсестра. — А что касается работы... А и увольняйте, не велика потеря. Сам на мое место, что ли, пойдешь, за четыре тысячи рэ в месяц? А иди! И я посмотрю, как ты станешь по вызовам метаться, таким вот...

Она с неудовольствием кивнула на тещу, обладавшую такими формами и таким цветущим цветом лица, что принять ее за умирающую смог бы только великий фантазер, и ушла тут же, не попрощавшись.

А теща что? Теща продолжила «умирать»! Весь вечер бедная Ленка носилась между кухней и ее спальней с какими-то склянками, баночками, притирками, салфетками и бинтами. Забыла даже поужинать, о чем мужу не преминула сообщить, укладываясь в постель.

— Ничего, тебе не мешает разгрузиться, — сонно пробормотал Влад и потрепал ее по полному бедру. — Лен, а может, ты в спорткомплекс походишь, а? Ты же у меня красotka просто, когда худенькая.

— А сейчас что? — Ленка приподнялась на локте, откинула одеяло, устала на свои полневшие коленки, погладила живот. — Толстая, да?

— Пяток килограммчиков тебе надо бы сбро-